Город Юлиу - это небольшой город у подножия горы Фуниу. Город невелик. Две главные улицы, вымощенные голубыми каменными плитами, представляют собой самый процветающий район города. Ранний утренний туман еще не рассеялся, и на углу улицы расположилось несколько маленьких магазинчиков. Когда открыли дверь, свежеприготовленные на пару булочки источали притягательный аромат.

Большую часть месяца назад в городе Бяньцзин изменилось небо, что повлекло за собой изменения в мире. Однако в этом отдаленном городке это никак не отразилось. Горожане по-прежнему жили неторопливо. За завтраком у стойки обсуждали Джинера Чена. Сколько приданого даст замужняя дочь богача.

"Босс, я хочу эти булочки с паром. Не могли бы вы упаковать их для меня". Владелец магазина булочек с паром слушал энергичный разговор гостей и удивленно обернулся: "Все, что вы хотите?".

Передо мной стояла женщина лет двадцати, одетая в пыльную одежду, с печалью между бровями и глазами, но улыбка на ее губах все еще была нежной.

Женщина кивнула и сказала: "Да, заверните, пожалуйста". Затем она передала на стол небольшой кусочек серебра.

Увидев серебро, глаза начальника загорелись, и он ответил доброй ухмылкой. Он достал из-за спины белую салфетку и насыпал в нее клетку булочек с паром, затем передал ее женщине, сказав любезно: "Девушка, я слышал, что в Сючане сейчас царит хаос, поэтому вам следует быть осторожнее, когда вы туда поедете".

Женщина улыбнулась и сказала: "Спасибо, я еду в Наньян".

Босс кивнул, затем указал на женщину, которая уже ушла: "В это время в горах идут сильные дожди, девушка может быть более осторожной".

"Спасибо!" Женщина повернула голову и улыбнулась, а затем пошла к припаркованной на улице карете с зеленым верхом.

Поддерживая тело Ин Цзю, Линь Цинъюй достал из багажа две горячие булочки и передал их Е Шии, затем опустил полог кареты и прислонился к стене, после чего карета медленно поехала.

В тот день она шла всю ночь с Ин Цзю за спиной. Она очень устала и заснула. Когда она проснулась, ее обнимал Е Шийи. Она не знала, как Е Шии нашел ее, но просто хотела его. Мы поехали в Вэйчжоу и нашли магазин Линцзя в Вэйчжоу. Я купил карету, серебро, одежду и другие вещи, которые Инцзю давно приготовила. Я хотел подождать в Вэйчжоу три дня, как сказал Инцзю, но мятежники уже начали занимать уездную резиденцию. Можно оставить письмо и уехать из города.

Новости, услышанные по дороге, были очень беспорядочными. Одни говорили, что второй принц взошел на трон и стал новым императором, что большой принц занял трон, чтобы узурпировать престол, что большой принц взошел на трон в Чэньчжоу, что второй принц узурпировал трон, а затем в уезде Дуаньань Лояна король поднял знамя праведности и сказал, что оба принца недостойны быть королями и что короли не должны обладать добродетелями.

Вдоль Инчжоу, Сючана и Лояна начались беспорядки. Е Шии отделился от горы Лу, чтобы

отправиться в Сянъян через гору Фуню.

Сюй - вассальные лорды и местные жители, которые еще не отреагировали, и новости здесь тоже идут медленно. Когда они достигают подножия горы Фуню, им становится намного спокойнее, но они не осмеливаются задерживаться здесь дольше. Через некоторое время, боюсь, у тех мест и князей появятся свои планы, и те люди, которые подстрекали Чжу Вэйли, тоже отреагируют. Тогда, боюсь, во всей династии Чжоу начнется хаос.

Е Шии сгорбился и сел на водительское сиденье, накрыв голову тканью, закрыв рот и нос. Он свернул за гору Фуню и добрался до Наньяна, недалеко от Сянъяна, Ин Шисань и Янь Ци Они все договорились встретиться в Сянъяне.

За городом Е Шии неосознанно коснулся длинного меча, лежавшего у его ноги, затем запихнул в рот оставшиеся булочки, взмахнул кнутом и немного ускорился.

Войдя в горы, температура вдруг сильно упала, и наступила почти середина лета. В горах медленно дул прохладный ветер, журчали родники, в горах петляла тропинка, с обеих сторон были отвесные скалы, лес был густой, цвели цветы разных цветов.

Е Шиши вдруг вспомнила, что два года назад, гуляя по горам Вуйи, она была полна цветов и красивых пейзажей с обеих сторон. Она сидела рядом с Янь Санем с головой, полной диких цветов, радостная и наивная.

"Генерал!"

"Как?" спросил Гао Лю, оглядываясь на посланника, который поспешил следом.

Посыльный передал Гао Лю письмо и сказал: "Второй принц послал кого-то попросить нас прислать войска".

Гао Лю был вне себя от радости, когда увидел надпись на письме. Он даже не стал прислушиваться к словам гонца. Он поспешно вскрыл письмо. Письмо было написано знакомым почерком. Когда они приехали туда, она научила их писать на упрощенном китайском языке. Синьцзы.

Безопасно, езжай в Сянъян, сначала остановись и посмотри из банка.

После долгого вздоха Гао Лю еще полмесяца сжимал свое сердце, прежде чем отпустить. Он вручил письмо окружавшим его охранникам, сказав: "Немедленно отправьте его генералу Хэ и дайте ответ второму принцу. В Хулао слишком много людей. Нам не одолеть его".

"Да!"

С громким стуком, придворные дамы и евнухи, стоявшие снаружи дворца Цянькунь, затрепетали. Они еще больше опустили головы и молча встали в стороне от зала.

"Как он смеет!" гневно воскликнул Чай Цзиньчжун, разбивая очередного Руйи.

Ван Фучжи отступил назад, слегка нахмурился, глядя на обломки на полу, а затем посмотрел на своего отца рядом с ним.

Армия Юйлиня временно не подчинилась и позволила им взять под контроль город Бяньцзин, но старший князь и люди, контролировавшие лагерь кавалерии журавлиного железа,

отступили в Чэньчжоу и объединили солдат и лошадей Хулаогуаня и Сючана.

В Лояне также есть король уезда Дуаньань, но он сформировал полуосаду против Бяньцзина.

А теперь Гао Лю из Тяньцзингуаня прислал письмо, что не будет посылать войска, и там не было никакого движения. Люди, которые слышали, говорили, что старший принц прислал письмо, в котором говорилось, что второй принц убил госпожу Ян, и они были очень недовольны. Теперь даже Чжао Иньфэн сказал, что постарается сделать все возможное, чтобы помешать Сяосуй из Ляо идти на юг и не может послать войска, чтобы пересечь реку. Неудивительно, что Чай Цзиньчжун был так зол.

"В настоящее время император хочет как можно скорее провести церемонию возведения на престол. Пока у него есть ортодоксальное имя, он может призвать воинов и коней всего мира прийти к царю Цинь. Тогда, даже если у Чай Цзинчао есть солдаты и лошади четырех главных семей, это всего лишь 200 000. Здесь только двести тысяч запретной армии. Лучше пусть Хэ Ли и Чжао Иньфэн охраняют границу. Мы можем сосредоточиться на очистке Чай Цзинчао". Ван Сян медленно сказал, поглаживая свою бороду.

"Да, Хуангэр". Ван Гуйфэй кивнул рядом с ней.

"Этих стариков отпустили?" Чай Цзиньчжун повернулся, чтобы спросить **** рядом с ним.

Услышав, что на императора Сивэня было совершено покушение, Чай Цзиньчжун первым делом подумал, что это рука старшего принца, но когда он поспешил во дворец Цянькунь, то обнаружил, что на самом деле это была рука любимой проститутки императора Сивэня, а проститутка по имени Цинчжу тоже была на месте. Самоубийство, такая сцена заставила вызванных Мэй Юйши и Фу Тайфу прямо остолбенеть, а затем пришло сообщение, что армия Лонгву и армия Шенву сражаются, а затем четыре принца были убиты и погибли.

Чай Цзиньчжун тут же посадил двух ветеранов под домашний арест и послал людей за Чэн Сяном, который был болен дома, во дворец. Затем он арестовал старейшин, которые болели дома. Всех их посадили под домашний арест во дворце.

Попросил их совместно подать письмо с просьбой унаследовать должность.

"Чэн Сян согласился подписать, а Мэй Юйши настаивает и сейчас". **** опустил голову.

"Разве у семьи Мэй только что не родился внук? Отведите ребенка во дворец и покажите Мэй Юйши". Ван Сян сказал с легкой улыбкой.

25 июня Чай Цзиньчжун стал императором в результате выборов важных придворных чиновников, назвал императрицей Ван Сяна, изменил название страны на Цзинкан и потребовал призвать царей областей для устранения антивора Чай Цзинчао.

Через два дня Чай Цзинчао издал послание о преступлениях Вана и пожаловался на узурпацию царя Чаем Цзиньчжуном. Первый император преследовал важных министров до того, как его похоронили. Он был лицемером и призвал солдат и коней всего мира последовать призыву наследника ортодоксального престола и убить мятежников. , Захват Бяньцзина.

Чжао Цзяцзюнь не двигался с места. Командир Хэ Ли на дороге Хэдун и дороге Шэньси не ответил. Он просто воспользовался внутренними распрями в клане Даньсян, чтобы отодвинуть границу.

Лил проливной дождь, окутав сплошные горы белой завесой дождя, молнии разрывали небо, в лесу вспыхивали лучи света, густые капли дождя ударялись о листья и издавали быстрый звук, похожий на симфонический рев.

Лин Цинъюй обнял тело Ин Цзю и еще немного прижался к пещере, глядя на огромную завесу дождя, немного дрожа.

Несколько дней назад они столкнулись с бандитами, и Е Шии достал свой меч, когда они не смогли отдать деньги.

Линь Цинъюй слегка прикрыл глаза. Они потеряли лошадь, но и другая сторона оставила труп на земле. Она никогда не думала, что однажды Е Ши станет таким безжалостным.

Снаружи послышался шум, Линь Цинъюй открыл глаза, и в пещеру вбежал Е Сии, промокший от воды, с кроликом в руке.

"Дождь слишком сильный, а дорога впереди скользкая.

" Е Шии добавил немного дров в костер, повернулся спиной к Лин Циню, присел на корточки у входа в нору, чтобы разобраться с кроликом, и сказал: "Я должен подождать, пока дождь прекратится."

"Да." Глядя на его спину, Линь Цинъюй не удержался и сказал: "Ты можешь сначала переодеться".

Е Шии покачал головой и сказал: "Нет, я сделаю это одним махом".

Взглянув на спину Лин Циню, Лин Циню потупился, положил тело Ин Цзю на место, достал из сумки мягкое полотенце, переместился к нему сзади и аккуратно вытер капающие длинные волосы.

После того, как рука Е Шии остановилась, круги под глазами стали немного вязкими, он не двигался, продолжая обрабатывать кролика руками. После того, как он справился с ним, он нанизал кролика на шампур на костре.

В течение дня шел дождь, и ночью он немного уменьшился. Е Шии снова отправился исследовать дорогу. Гора и так была опасной, а сильный дождь смыл множество оползней. Для него вполне нормально быть одному. Просто взять двух человек он еще сможет. Что-то опасное.

Е одиннадцатый вернулся в пещеру. Линь Цинъюй уже спал, прислонившись к стене горы. Е одиннадцатый присел перед ней на корточки, и его пальцы слегка коснулись ее бровей. По дороге они шли очень тяжело, и она все время спала. Нет, брови никогда не вытягивались, круги под глазами совсем черные, а веки синие.

Он снял мокрую одежду и запек ее у огня. Е Шии потрогал серьги на груди. Он не осмелился переодеться при ней, только потому, что боялся, что она это обнаружит. За исключением ее сердца, когда она была очень эмоциональна, это единственное, что он хранит от нее. В этом году, в крови желтого песка, в резне и заговорах, во всех темных сторонах человечества, это - его единственный свет.

Надев чистую одежду и увидев, что тело Ин Цзю упало на бок при поддержке Лин Цинъюя, Е Одиннадцатый поддержал Лин Цинъюя одной рукой, а другой - тело Ин Цзюя и положил его.

Он сел между ними и позволил Линь Цинъюю сесть. Тело зависит от самого себя.

Тело со знакомой аурой и теплой температурой тела прижалось к нему, заставив тело Е Одиннадцатого слегка задрожать. Брат Девять, ты понимаешь, что сказал про Одиннадцать. Самое болезненное в этом мире - это тоска по любви. Боль от того, что ты не получаешь и тебя игнорируют, но если ты даже не видишь этого, то это действительно пронзительная боль.

Капли дождя снаружи били по листьям, капали на лужи и плавали на почве ствола, издавая разные тикающие звуки. Это была музыка, исполняемая самым гениальным музыкантом.

Сердце Е Шиси успокоилось, он медленно закрыл глаза и заснул.

Посреди ночи Е Шиси разбудил холод в его руках, Лин Цинъю уже скользнул в его объятия, и на его лице появился синий цвет.

Это потому что дорога слишком твердая, поэтому он начал раньше времени? Е Шии был шокирован, сначала развел огонь на более высокий уровень, а затем поднял Линь Цинъюй.

"Сестра..." Е Шии снял одежду и позвал низким голосом.

От теплой температуры тела Линь Цинъюй, которая была в коме, естественно наклонилась вперед, а затем обняла источник тепла обеими руками.

Тело мальчика, которое долгое время было подавлено, больше не выдержало, сняло одежду, и Е Шиси поцеловала холодные губы.

"Сестра... сестра..." прошептала она, Е Шийи отпечатал поцелуй вдоль ее тела по всей длине, ища то место, которое его завораживало, и после простого увлажнения, он приподнял ее ягодицы и зарылся в них. Внутрь ее тела.

Снова и снова счастье Дидин заставляло его **** теряться, просто хотеть раствориться в ее плоти и крови, и ничто не сможет разлучить их.

Когда он выдохся, тело Линь Цинъю только начало согреваться, но Е Шиси понимала, что если он продолжит в том же духе, то точно умрет на ней. Хотя, умереть в этом окончательном счастье было самым глубоким в его сердце. Как хочешь, но не в это время.

Тело еще не полностью восстановилось, и тело, которое делает ее счастливой и удобной, все еще инстинктивно привлекает ее. Видя, что он перестает двигаться и замирает, она издает низкий, ленивый и соблазнительный гул, и ее язык тоже на нем. Облизывание и легкие покусывания заставляют его тело трепетать, и от этого счастья его голова снова тихонько приподнимается.

Когда она прикусила кизил на груди, серьги, надетые на нем, и драгоценный камень, похожий на слезу, вызвали у нее интерес. Она взяла драгоценный камень вместе с кизилом в рот и сильно укусила. От боли Е Шии не Цзюэ тихо выдохнула, а затем крепко зажмурилась.

Почувствовав, что тело снова наполнилось, Линь Цинъю ослабила кизил и слизала капельки крови, которые вытекли из-за сильного потягивания.

Огромное удовольствие охватило Е Одиннадцатого. Его тело задрожало, и ему снова захотелось подергаться. Даже если он умрет, - он прикусил губу и отпрянул назад. Здесь высокие горы и

густые леса, и Янь Седьмой не знал, что они идут в обход, и боялся, что не сможет найти его. Если бы он умер здесь, то она не смогла бы выйти одна.

"Сестра..." Линь Цинъюй поднял голову и облизал губы языком, отчего Е Шии неосознанно застонала и больше не могла себя контролировать. Он крепко обнял ее и прижал к себе, разразившись прекрасным фейерверком. .

Последние следы внутреннего дыхания и жизненной силы в ее теле исчезли, Е Шийи обмякла в объятиях, ее тело все еще дрожало от запредельного счастья, но глаза были полны беспокойства и нежелания, и у нее не было сил даже поднять голову. Е одиннадцать прошептала прости, прости, я виновата в том, что плохо себя вела, если бы это был третий мастер или седьмой мастер, он бы точно не позволил тебе попасть в такую ситуацию.

Когда Линь Цинюй внезапно пришел в себя, он увидел медленно закрытые глаза Е Шиси, которая медленно опускалась на землю.

Он был потрясен, поднял руки и позвал: "Одиннадцать, проснись! "

Только взглянув на тела этих двоих, я понял, что происходит. Тело было теплым внутри, и даже усталость и утомление за время пути, казалось, исчезли. Неужели произошло то, чего она так не хотела?

"Одиннадцать!" громко крикнул Линь Цинъюй, раскачивая тело, которое стало холодным, как белый нефрит.

Длинные ресницы Е Шиси затрепетали, глаза распахнулись, губы задрожали, и он произнес несколько очень слабых слогов.

Прости...

С внезапной болью в сердце Линь Цинъюй развернул аптечку, достал таблетку и положил ее в рот. Видя, что его губы не двигаются, он наклонился, накрыл его губы своими, просунул язык и помог ему разорвать таблетку. Он снова проглотил пилюлю, вспомнив слова призрака Дворца Долголетия, Линь Цинъюй стиснул зубы, достал длинный меч Е Си, вырезал нож на запястье, приложил его к губам и пустил в него собственную кровь. Рот.

Призрак сказал, что у человека, принявшего Пилюлю Ян и Пилюлю Иного, его Ян Цзин является его собственным лучшим тоником. Соответственно, он также может поглощать свою собственную энергию, но он не знает, нужно ли ему это делать. Или полагаться на эту кровь?

Как только кровь вошла, она принесла чрезвычайно горячее ощущение. Она тянулась вдоль горла, согревая пустой даньтянь, медленно накапливая силу, Е Шии тяжело открыл глаза и увидел Линь Цинъю С мечом в руке, она собиралась снова опустить меч, протянула руку, чтобы удержать запястье, и задыхалась: "Все в порядке..."

Глядя на три раны на ее руке, а затем на ее лицо с довольной улыбкой, сердце Е Си сжалось от боли и сладости.

Линь Цинъюй вздохнул с облегчением, только тогда он почувствовал боль в руке, и он дважды прошептал, затем вывернул бутылочку с лекарством, чтобы нанести на себя лекарство, и увидел знакомую вещь в поле своего зрения.

Эта вещь была странно красивой и заметной на нефритово-белой груди, что удивило Лин Цинъю. Почему она увидела это только сейчас, ведь это не ее серьги, что она не знала, куда они упали?

Неправильно! Рука Линь Цинъюя, растирающая лекарство, не упала. Когда он встал в тот день, он обнаружил, что на его ухе осталась только одна серьга, и подумал, что она упала. Но подумайте, почему оно упало? Кроме того, в тот день Яньци и Инцзю были в порядке, а Шисань и Сум, похоже, не слишком много употребляли. Тогда я подумала, что это было благословение Бога, но на самом деле это не так, потому что в то время ребенок уже был...

Видя, что выражение ее лица потускнело, Е Шии бессознательно обхватил ее грудь руками, посмотрел на нее умоляющими глазами и прошептал: "Господин, вы обещали отдать его 11".

Лицо Линь Цинъюй побледнело, вспомнив, что Алан в тот день напился, а серьги висели в виде нагрудных колец. Е Шиси вообще не мог понять такую вещь, поэтому это был его пьяный шедевр, Боже. что! Что я наделал!

"Нет, одиннадцать, ты не можешь принести это!" Лин Цинъюй протянула руку и взяла его за руку, пытаясь развязать серьги для него. Ему всего лишь столько лет, и носить эту вещь, которая влияет на его тело, пусть люди видят еще хуже.

"Ты так сильно ненавидишь одиннадцатого?" Е одиннадцатый схватил ее за руку, глаза полны слез, и печально посмотрел на нее: "Я прошу тебя, ты можешь все сделать одиннадцатым, не бери это, не ненавидь одиннадцатого так сильно..."

Линь Цинъюй был поражен, его рука расслабилась, и он сказал: "Я не это имел в виду, ты слишком молод, не стоит носить такие вещи, я не..." Я не ненавижу тебя, хотя при виде твоего лица мне становится не по себе. Но Е Одиннадцать, я не могу тебя ненавидеть.

Е Шии сидела, прижавшись к груди, а потом набралась смелости и обняла ее, прижавшись грудью к груди, положив голову ей на плечи, и задыхалась: "Одиннадцать выросла. Ты обещала отдать его мне. Ты обещала, я прошу тебя, не забирай его обратно.

" Она все еще болит его сердце, она все еще заботится о нем, что вселяет в сердце Е Си некую надежду. В прошлом, пока он был таким кокетливым, она соглашалась на все. Теперь он не смеет просить ни о чем другом, просто держи это, держи это обещание, держи это обещание, что он принадлежит только ей.

Молодой человек плакал, с бесконечными обидами и печалью, но Лин Цинъюй не знал, как утешить его, просто облегченно вздохнул, а затем обнял тело юноши ****, хотя он еще не взрослый, мальчик вырос. У нее внешность человека, а изгиб ее тела чрезвычайно красив, как у самого совершенного ангела, созданного Богом, но этот ангел заставил ее потерять самого важного человека.

"Хорошо, одиннадцать, бери ту, которая тебе нравится, только не забывай часто мыться и применять лекарства". Линь Цинъюй вздохнула и похлопала его по плечу.

Дождь снаружи стал слабее, капля за каплей, издавая монотонный, но приятный звук. Огонь в костре начал тускнеть, но он все еще приносил тепло, заставляя пещеру согреваться.

Сердце Е Шиси успокоилось, и он неохотно погладил ее по шее, отпустил и сказал: "Я принесу воды".

"Я пойду". Линь Цинъюй схватил его, его лицо было бледным, как бумага, а руки все еще слабыми.

Е Шии покачал головой, на его измазанном слезами лице появилась улыбка, он помог каменной стене встать и сказал: "Я пойду".

Увидев, что он выходит голый и трясущийся, Линь Цинъюй снова вздохнул, а затем поднял со своего бока пару кинжалов. Если бы кинжалы не упали на землю и не пронзили ее, боюсь, она не смогла бы протрезветь в тот момент.

Янь Сань, этот ребенок, что мне с ним делать?

http://tl.rulate.ru/book/15727/2564774